

Елена Глебова

Бессмертник

Часть 1. Визит Сильвы

Загребая лапами, он бойко бежал по сырому холодному полу. «Ох, уж это подземелье! Шерсть намокает, когти о камни стачиваются раньше времени. Глаза привыкают к темноте и некоторое время болят на свету при выходе на поверхность. Да и воздух там спёртый какой-то! Вечные запахи гари, кипящих клокочущих жидкостей, пар, сквозь который ни зги не видно, и эти веники из трав висят по стенам! А ещё хозяин лягушек дохлых притащил, сушит их теперь! Гадость какая!» — думал про себя огромный угольно-чёрный кот с янтарно-жёлтыми раскосыми глазами. В зубах он таскал сворованный бублик, который умыкнул в деревне на ярмарке. Кота звали Червонец. Вернее, в деревне его не знал никто, а в подземелье хозяин звал кота Червонцем. Как к коту прилипло это прозвище, не помнил никто. Слишком много лет минуло с тех пор, как кот попал в услужение к хозяину подземелья. Червонец походил размерами на камышового лесного кота. Не всякая собака решилась бы потягаться с ним силой. Огромный, с массивными мягкими лапами и влачащимся по

земле мохнатым брюхом, кот являл собой образец мещанской котячьей красоты. Помимо знатных размеров и потрясающей шёлковой блестящей шубы украшением сего кота служил тяжёлый пушистый хвост, равный по длине туловищу животного. Усы топорщились вперёд, словно из лески. По грации, изяществу, невообразимой пластике движений коту не было равных. И ещё... у кота была плоская котячья морда.

Подземелье, в котором обитал кот, находилось в скале. Чтобы подобраться к подземелью, коту пришлось спуститься к ручью, намочить лапы, как полагается, и только тогда, когда ручей обрывал след для возможных преследователей, нужно было в один прыжок подобраться к скале и повиснуть всем телом на каменном выступе. Часть скалы медленно и, на удивление, бесшумно отъезжала в сторону и пропускала внутрь гостя. Как только гость ступал в разверзнутую пасть каменной глыбы, подвижная часть стены смыкалась за ним, как будто скала проглатывала вошедшего. Огромная корявая скала из мелового флиша, не ровная, с причудливыми слоями осадочной породы, являла собой страшную глыбу, которую в народе прозвали «глаз коршуна». Почему глаз и почему именно коршуна — на эти вопросы никто из местного населения ответить не мог. Но место считали проклятым, и несмотря на

неотразимую, обволакивающую, завораживающую красоту Карпат, сюда не ступала нога обычного человека десятки лет. Лишь узкая тропа, заросшая фиолетовыми крокусами, которые иногда ещё называют шафран Гейфеля, и розовыми рододендронами (червона рута), редко-редко видела одинокую молодую женщину в длинных одеждах.

Примерно в то же время, что и кот, женщина в спешке, всё время оборачиваясь, словно боясь быть замеченной, семенила по тропе к скале. Ручей, прыжок упругих молодых ног, необычный выступ — и скала так же проглатывала свою хрупкую молодую гостью. Лишь примятые крокусы видели женщину в лицо.

«Сильва, — размышлял по пути в глубь подземелья кот, — Сильва пришла к хозяину. Значит, в селе что-то происходит. Эта шельма просто так к нам в подземелье не придёт».

За тенью кота упруго и мягко одновременно мелькали голые пятки в сношенных сандалиях. Действительно, кот не ошибся. Это была Сильва. Рыжеволосая, кудрявая, с очень светлой, белой кожей, к которой не прилипал никакой загар, зеленоглазая, с прочерченными на лице выделяющимися скулами, свидетельствовавшими об остром аналитическом уме, плотно сжатыми яркими изогнутыми дугой губами и высокой

линией чёрных бровей — признак породы и амбициозности — Сильва являла собой образец человеческой красоты и была, практически, совершенна телом. Глаза её излучали волю, тяжёлый нрав и несгибаемый, твёрдый и жёсткий характер. Это были глаза ведьмы. Ведьмы — в смысле не колдуньи, а той, которая «ведает», глаза «знающей». Нос Сильвы, тонко очерченный правильной формы с раздувающимися ноздрями, напоминал всем об увлекающейся страстной натуре, которая пойдёт до конца ради намеченной цели. Волевой заострённый подбородок выдавал в Сильве бойца, кровавого война, готового затоптать любого на своём пути во имя своих интересов. Глядя в лицо Сильве, создавалось впечатление, будто за её спиной прошли многие столетия, и она видит этот мир изнутри. Её ничто не радовало и не удивляло. Сильва созерцала жизнь вне времени, как кувшинка в заводи, растущая над водой и холодная ко всему, как водный равнодушный цветок. Хрупкий, гибкий, точёный стан Сильвы облегало холщовое свободное деревенское платье с узорчатой вышивкой. На шее женщины можно было разглядеть коралловое монисто с золочёным дукатом. И в этом незамысловатом наряде Сильва смотрелась ещё более привлекательной. «У-у-у-у-у, ведьма,» — подумал кот, поглубже закусил ворованный бублик и тихонько удалился в

глубь пещеры.

В пещере на глубине двухсот метров было около плюс семи градусов. Посередине стоял огромных размеров котёл, который кипел круглые сутки. Домочадцы, обитатели пещеры, имели привычку собираться вокруг котла и наслаждаться его теплом, попросту греться. Кот отлично знал, что чем глубже спускаться в подземелье — тем выше становилась температура воздуха. Но система вентиляции в подземелье была не продумана, да и роскошная шуба так сильно грела, что около кипящего котла коту было самое то.

«Эй, мохнатый! — раздалось почти над самым ухом котяры, — делись бубликом!» Червонец оторопел от подобной наглости и выронил бублик на пол пещеры. Из ниоткуда появился кролик. Его огромные длинные пушистые уши волочились по самой земле. Кролик был таким же угольно-чёрным, как и кот. Его шаловливые глаза, как чёрная смородина, влажно поблёскивали на усатой шерстяной умильной морде. Кролик был хорош. Очень упитанный, вальяжный, мягкий, с чересчур длинными ушами, он напоминал детскую очень красивую меховую игрушку.

— Ты стащил только один бублик? — бесцеремонно поинтересовался кролик у кота.

— Ну, да, — развёл массивными лапами кот, — а ты думал, я связку в зубах принесу?!

— Эх, нет в тебе това-а-а-а-а-рищеского духа, — протянул с досадой кролик и отвернулся в сторону.

— Да, ладно, держи половину. Ешь быстрее, а то Сильва идёт следом. Сейчас к хозяину приставать будет. Надо будет послушать, что этой старой карге понадобилось.

Как и утверждал кот, две минуты спустя к котлу спустилась рыжеволосая Сильва и грациозно уселась на одну из мягких подушек. Сильва принесла с собой аромат трав со склонов гор, свежесть ручья, чистоту горного воздуха и ощущение лёгкой тревоги. Напряжение, связанное с её приходом, словно, витало в воздухе. Вокруг Сильвы так и вспыхивали искорки недовольства и торопливости. Сильва отчего-то спешила, и эту спешку выдавали и поза, в которой сидела красавица, и нервное покручивание кольца на пальце, и лёгкая нервозность молодой женщины.

На шум, связанный с появлением в подземелье Сильвы, спустилась горбатая дряхлая старуха. Еле волоча хромые ноги, опираясь на такую же скрюченную клюку, изогнутую палку-посох, старуха с обезображенным лицом медленно ковыляла к котлу, шамкая беззубым ртом и что-то бессвязно бормоча себе под нос. Крючковатый хищный нос, впалые глаза и щёки, клочковатые редкие седые волосы, выбивающиеся

из-под льняного выцветшего платка, и высохшие длани — всё свидетельствовало о запредельном возрасте старухи.

— Здравствуй, Сильва, — без каких-либо эмоций, сухо вымолвила старица.

— Здравствуй, — выдохнула гостья и с раздражением добавила, — скажи, ну, охота тебе являться передо мной в таком отвратном виде?! Я-то, уж, знаю, кто ты. Мне голову не дури!

— Ну, ладно, ладно, — прокряхтела старуха, хихикнула, шумно высморкалась в подол, щёлкнула пальцами и в ту же секунду перед Сильвой предстал красивый мужчина средних лет. Черноволосый, синеглазый, с выпрямленной спиной и очень высокого роста, красавец-атлет мягко опустился на подушки возле женщины.

— Вот так-то лучше! — с радостью воскликнула Сильва, — здравствуй, Бессмертник!

— Здравствуй, душа моя! Зачем пожаловала? — Бессмертник с удовольствием обвёл Сильву глазами и удовлетворённо хмыкнул.

— Есть дело, — очень серьёзно и деловито произнесла красотка, — я принесла для тебя новость из села, а взамен ты подаришь мне ещё пять лет молодости.

Бессмертник залился долгим неудержимым весёлым смехом. Его молодые счастливые глаза с огоньком лукаво смотрели на женщину и

веселились от души:

— Скажи, родная, что ты хочешь? Что задумала? И на кой тебе ещё молодость, ведь ты и впрямь сейчас хороша, как никогда?!

— Кабы ты не занимался дурацкими перевоплощениями в старую каргу, больше понимал бы в жизни. Живёшь в своих разных семи оболочках, совсем от мира отбился. То бабкой старой уродливой ходишь по деревням, то калекой слепым прикидываешься, то птицей летаешь по полям, то волчарой хищным блуждаешь, овец крадёшь у деревенских, то облаком дождливым приходишь к людям, то саранчой в поле прилетаешь, урожаи жрёшь, то колесом несмазанным на телеге скрипишь. Ты когда-нибудь самим собой вообще бываешь? — Сильва захлёбывалась от возмущения.

— Бываю, Сильва. Я с тобой сейчас тот, кто я есть на самом деле, чего нельзя сказать о тебе, милая.

— А что...я? — растерялась Сильва, — я — это я.

— Ну, да, ты — это ты. Только никому из здешних не ведомо, что красавице Сильве минуло уже четыреста семьдесят пять годков. Душа моя, это на четыреста пятьдесят больше твоего внешнего возраста. И ты ещё пришла просить об одолжении помолодеть? — Бессмертник ласково улыбнулся,

хотя глаза его оставались серьёзными, а взгляд выражал скорее недовольство.

— Услуга — за услугу. Я тебе — новость. Ты мне — молодость ещё на пять лет.

— Хочешь вечные двадцать лет? Зачем? Двадцать пять — это начало жизни, даже не макушка лета у барышни. Почему именно двадцать?

— Хочешь — сделай мне восемнадцать. Мне... хлопчик один дюже нравится. Подсоби мне, Бессмертник, а я тебе в свою очередь подсоблю. Дюже хорош собою хлопчик.

— Ну, раз хлопчик, говоришь, дюже хорош... — Бессмертник задумался, — что за новость у тебя, дивчина? Не томи, Сильва.

— На хуторе, ты помнишь, жил старый золотодобытчик. Всю жизнь он проработал на заваленной, заброшенной штольне. Добывал золота ровно столько, чтобы прожить его маленькой семье. Никогда богат не был. Штольня считалась давно мёртвой, золота там было настолько мало, что выработки давно прекратили. Но он умудрялся понемногу золотишко добывать, и поговаривали в народе, будто ему известен секрет более глубоких и богатых залежей. Дар ему, будто бы, был дан свыше. Он при смерти. И поскольку старик православной веры, нужен ему православный священник, чтобы исповедоваться и причаститься.

Дни его сочтены. Я проведу тебя к его хате на хуторе, а ты взамен подаришь мне пять лет молодости.

— Не годится, Сильва. Ты же знаешь, что на земле я могу быть только в одном из семи моих образов, иначе я таю на солнце. Не могу же я приползти к нему старой каргой или калекой.

— Я приду к старику!

Все присутствующие разом вздрогнули — из темноты подземелья появилось нечто. Высокая худая тень в надвинутом капюшоне выдвинулась к кипящему котлу и окинула сверлящим взглядом всех присутствующих. Это был Искандер, полудух, полусущество человеческое, из непонятной материи, полупрозрачный, с полуприкрытыми веками глаз, излучающими нечеловеческую энергию. Сильва с Бессмертником быстро склонили головы перед Владыкой Подземелья и Злым Духом Карпат.

— Я приду к умирающему, а ты, — дух кивнул в сторону Сильвы, — ты, женщина, меня проводишь. Ты просила за услугу пять лет молодости? Ты получишь вознаграждение, но если только сделаешь так, чтобы в доме никого, кроме умирающего старика, не было.

Кот с кроликом давно забыли об украденном, с трудом поделенном и недоеденном, в конечном счёте, бублике. Из недр Карпат вернулся Искандер.